

ЧАРЕКОВ С. Л.

НАРЕЧНЫЕ СЛОВА И ЧАСТИЦЫ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ
БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

В монгольских языках существует специфическая и довольно обширная группа слов, относительно которой в научной литературе нет единства мнений. Отсутствие такого единства объясняется в первую очередь сложностью и неоднородностью самого языкового материала, а также многозначностью в функционировании одних и тех же словоформ в зависимости от конкретных случаев их употребления.

Близость подобных словоформ по некоторым своим свойствам к различным грамматическим разрядам слов приводит к тому, что исследователи относят их к наречиям, междометиям, звукоподражаниям, «образным словам» и т. п. Так, Б. Х. Тодаева причисляет подобные слова (*мулт* «совсем, совершенно»; *бут* «вдребезги»; *хуга* «совсем») к наречиям образа действия, оговаривая, что они «входят в состав сложных глаголов как их неотделимая часть» [1]. Такое уточнение уже само по себе свидетельствует об отсутствии полного тождества между приводимыми в качестве примера словами и собственно наречиями, обладающими большей самостоятельностью в употреблении. Подобные словоформы относятся к наречиям образа действия и в «Грамматике бурятского языка»: *хамха сохихо* «отломить»; *халба хүрэхэ* «отскочить в сторону». Причем отмечается, что эти наречия, употребляющиеся с глаголами, в переводе отдельно не передаются [2, с. 293]. Там же выделяются звукоподражательные, мимикоподражательные и «образные» слова, которые также отнесены к наречиям образа действия [2, с. 295].

Аналогичные словоформы в калмыцком языке Г. Д. Сажжеев также относит к наречиям образа действия и отмечает, что они «показывают усиление того или иного действия и не всегда могут быть удачно переведены на русский язык вне контекста» [3]. Вл. Котвич рассматривает их на материале калмыцкого языка как разновидность образных междометий, которые обозначают «быстрое, прерывистое действие или доведение действия до крайнего предела» [4, с. 148]. В работе М. У. Монраева выделены в самостоятельную группу «фразеологизированные наречные сочетания», определяемые как «двухкомпонентные сочетания, выполняющие в предложении функции обстоятельства образа действия и времени» [5]. Д. А. Алексеев выделяет группу идиоматических наречий на том основании, что эти наречия «в дословном переводе абсолютно не соответствуют тому, что они на самом деле обозначают» и далее уточняет: «Существо идиоматики заключается именно в том, что значение их зависит от семантики глагола» [6].

Некоторые из интересующих нас словоформ были рассмотрены Т. А. Бертагаевым под несколько иным углом зрения — вне связи с образованием и классификацией наречий. Словоформы типа *таха* (*таха хүрэхэ* «промерзнуть»), *хуга* (*хуга татаха* «вытянуть») рассматриваются автором как префиксоподобные образования, употребляющиеся с ограниченным кругом слов и полностью не формализованные как «настоящие» аффиксы. Поэтому упомянутые формы были названы Т. А. Бертагаевым префиксоидами [7]. Наиболее близка к позиции Т. А. Бертагаева точка зрения Л. Бэшэ, который в ряде работ называет подобные формы вербальными префиксами, или превербами [8]. Термины, предложенные Л. Бэшэ, представляются более точными, хотя недостаток их заключается в том, что и они не полностью отражают свойства этих словоформ, ограничи-

ваясь только сферой глагольных сочетаний и оставляя вне поля зрения способность некоторых из этих «превербов» сочетаться не только с глаголами, но и с прилагательными и существительными, где они играют роль усилителей признака. Например, форма *саб* в сочетании с глаголами обладает значениями «вдруг, сразу, крепко»: *саб тэбэрихэ* «вдруг обхватить руками» и *саб* в сочетании с прилагательными: *саб сагаан* «белый-пребелый» (т. е. «очень белый»). Форма *уй* в сочетании с глаголами обладает значением «вдребезги» (парн. *уй бута*) и может передавать значение, аналогичное русской приставке *раз-*: *уй бута сохихо* «раздробить, разбить». В сочетании же с существительными эта форма обладает значениями «очень, весьма»: *уй тумэн* «очень много», *уй тоохон* «очень мелкие пылинки»¹.

Таким образом, термин «преверб», будучи вполне приемлемым для узкого круга форм, соотносимых с наречиями и приставками, оставляет в стороне многие другие формы, выполняющие сходные функции (имеются в виду уже упомянутые случаи и некоторые другие, о которых будет сказано далее). Поэтому в настоящей работе для обозначения рассматриваемых форм принят несколько более широкий термин «наречные слова и частицы». Безусловно, и этот термин далеко не всеобъемлющ и отражает только некоторые свойства этих форм, сближающих их с наречиями.

Под наречными словами здесь понимаются формы, которые или являются производными от каких-либо других слов, или сами допускают образование от них других словоформ. Например, *таха* в сочетании *таха бариша* «крепко держать» от *тахарха* «рваться, прерываться»; *хаха* в сочетании *хаха нэрьгэхэ* «раскалывать» и *хахад* «половина», *хахадаар* «пополам». В этих примерах формы *таха* и *хаха* можно считать наречными словами.

К наречным частицам следует отнести и формы типа *ёро* (усилительная частица к словам, начинающимся на *ё-*, *ёо-* — *ёро ёрбогор* «сильно торчащий, очень колкий»), *дара* (усилительная частица к словам с начальным *да-* — *дара далбагар* «очень широкий») и т. п. Наречные частицы в отличие от наречных слов не обладают самостоятельными формами словообразования и фонетически связаны с определяемыми ими словами.

Задача данной статьи — классификация и рассмотрение свойств тех или иных групп наречных слов и частиц и установление связей между выделенными группами с целью выявления генезиса наречных форм.

К л а с с и ф и к а ц и я и х а р а к т е р и с т и к а н а р е ч н ы х с л о в и ч а с т и ц .

Предлагается следующая классификация наречных слов и частиц: I группа. Простые наречные слова и частицы. В нее входят три вида форм: 1) слова-усилители наречного типа; 2) усилители к глаголам (превербы); 3) усилители к именам. II группа. Сложные наречные слова и частицы. Эта группа выделяется по чисто внешним формальным признакам и состоит из: 1) устойчивых сочетаний; 2) парных сочетаний; 3) удвоенных основ наречных слов и частиц. По существу своему словоформы этой группы соотносительны с наречными словами и частицами первой группы, а способы их словообразования сходны и с подлинными наречиями.

Необходимо также выделить еще одну группу слов, в которую войдут: 1) образные слова; 2) звукоподражания; 3) разного рода модальные частицы. Эта группа еще дальше отстоит от собственно наречий и практически не имеет с ними ничего общего, кроме того, что некоторые из этих форм могут выступать как в роли наречных слов, так и в роли перечисленных разрядов слов. Выделены эти группы слов здесь только для сравнения и как источник, откуда наречные слова и частицы черпают себе пополнение в отдельных случаях, но отнюдь не как входящие в систему наречных слов и частиц.

Рассмотрим подробнее каждую из выделенных групп.

1) Слова-усилители наречного типа. Внутри этой группы наречных слов можно в свою очередь выделить несколько различных подгрупп.

¹ Все примеры словосочетаний и их переводы приводятся по словарю К. М. Черемисова [9], а предложения-иллюстрации записаны автором в Джидинском р-не Бурятской АССР.

Одна из таких подгрупп соотносится с наречиями-усилителями типа *бүрш*, *тон*, *хуу*, *шал* со значениями «очень, совсем, весьма». Отличие этой группы наречных слов от перечисленных наречий только количественное. Они реже употребляются, и круг их сочетаемости с определяемыми ими словами существенно уже, чем у подлинных наречий. Примерами подобных форм являются следующие. *Дам*: *дам сааша ябага* «еще дальше идти»; *дан*: *дан ехэ* «чересчур большой», *дэн муу* «слишком плохой»; *зуд*: *зуд хайн* «очень хорошо», *зуд муу* «очень плохо»; *лаг*: *лаг нойтон* «совершенно мокрый», *лаг хара* (тунк.) «совсем черный», *лаг шабар* «очень грязный»; *нэн үргэнөөр* «более широко»; *над*: *над харангы болобо* «стало совершенно темно, совсем стемнело», *над хара* «совершенно черный»; *хэл*: *хэл шара үнэгэн* «ярко-рыжая лисица»; *шад*: *шад гэмэ шанга дуун* «очень резкий голос», *шад улаан* «ярко-красный»; *шун*: *шун улаан* «ярко-красный». Как видно из приведенных примеров, эти усилители в основном служат определениями к наречиям, к прилагательным, обозначающим цвет, а также к прилагательным и наречиям субъективной оценки «хороший», «плохой», «хорошо», «плохо».

Сфера употребления наречного усилителя *над* «совсем, совершенно» еще уже — оно служит только для характеристики темного цвета.

В эту подгруппу входят и некоторые частицы, функционирующие как звукоподражания, причем семантической связи между двумя сферами этих омонимичных форм не прослеживается: *пад* — звукоподражание хлопанию, *тэс* — топоту. Следует отметить, что и форма *тон* «совсем, весьма, совершенно», отнесенная нами к собственно наречным формам, также имеет свой аналог среди междометий: *тон-тон гэхэ* «динь-динь» и, еще раз повторяем, отличается от рассматриваемой здесь группы только более широкой сферой сочетаемости и частотой употребления.

К следующей подгруппе мы относим наречные слова, имеющие аналоги в других грамматических разрядах слов, причем иногда семантическая связь между этими формами может прослеживаться. Например, *балай* «тьма, темный, слепой» и *балай* «совсем, очень, вовсе». Вне контекста эту связь трудно обнаружить, но сочетания *балай хара* «очень черный», *балай хогор* «совсем слепой» определенно свидетельствуют о связи этих двух словоформ. В дальнейшем же развитии этой формы связь семантики усиления «очень» с семантикой именных форм «тьма, темный», очевидно, ослабеваает, что и приводит к возникновению сочетаний типа *балай хайн бэйшэ* «не очень хорошо», в которых форма *балай* уже полностью оторвалась от первоначальной семантики и превратилась в наречный усилитель.

Аналогичный процесс, очевидно, происходил со словоформой *бузар*, имеющей три значения: 1) «грязь, грязный»; 2) «ужасно, отвратительно» и 3) «чрезвычайно, весьма». Связь между двумя первыми значениями достаточно явственна, а третье значение могло появиться на основе метафорического переноса значения, что дало возможность образования таких сочетаний, как *бузар олон* «очень много» («ужасно много») и даже *бузар хайн* «очень хороший» («ужасно хороший»).

Такая же связь выявляется между наречным словом *лай* «очень, весьма» и существительным *лай* «напасть, беда»: *лай хүндэ* «очень тяжелый»; между формой *бүрин* «весь, целый, полный» и *бүри* «совершенно, совсем, еще более»: *бүри үни* «совсем давно».

Подобная связь наречных форм возможна не только с именными формами, но и послелогами. Например, послелог *тээ* со значением «сторона, место» и наречное слово *тээ* «чуть, немного, несколько, незадолго»; *тээ бага зэргэ хүлээгээд ерши* «приходи немного погодя», *хүнийн тэнгэй тээ урда* «незадолго до полуночи», *тээ наана* «немного сюда» и т. п.

В выделенных здесь группах встречаются наречные слова, которые могут входить одновременно в две, а то и более групп. К таким формам относится наречие-усилитель *хуга*, обозначающее быстроту и резкость действия: *хуга харайн бодохо* «вскочить», т. е. «сразу встать, резко встать». Эту же форму можно отнести и к категории усилителей глаголов (превербов) в сочетании *хуга сохихо* «выбивать (из рук), вырывать, срывать».

Наречный усилитель *сэб* «совершенно»: *сэб хүйтэн* «совершенно холод-

ный» может выполнять роль усилительной частицы при именных частях речи: *сэб сэжэ урдаһаамни шэртэбэ* «[он] уставился совсем прямо на меня» (*сэжэ* «прямой; прямо»).

Усилительная частица *шал* «совершенно, совсем»: *шал шабар* «совершенно грязный» может выступать компонентом в «образных» и звукоподражательных словах: *шал-шул гэгэ* «булькать» (о воде); *шал-нял гэгэ* «шлепнуть» (по грязи).

2) Усилители к глаголам (превербы). В этой группе усилителей также можно выделить ряд подгрупп, несколько различающихся между собой по своим свойствам, хотя это различие и не очень велико.

Первую подгруппу образуют частицы, употребляющиеся в сочетании с некоторыми глаголами, причем круг этих глаголов, как будет видно из приводимых далее примеров, весьма узок. Значение, которое эти частицы сообщают глаголам, соответствует значениям ряда русских приставок. В качестве примеров можно привести следующие сочетания этих частиц с глаголами:

<i>бута сохихо</i>	«разбить»	<i>хобхо сохихо</i>	«сбить»
<i>бута дараха</i>	«раздавить»	<i>холбо түлхихэ</i>	«столкнуть»
<i>бута дэбһэхэ</i>	«растоптать»	<i>холто татаха</i>	«отдирать»
<i>бута нэрьгэхэ</i>	«разгромить»	<i>холто сохихо</i>	«отламывать»
<i>нила дараха</i>	«раздавить»	<i>хуу татаха</i>	«срывать»
<i>нила һурэхэ</i>	«расплющить»	<i>хуу удьхэлэхэ</i>	«сталкивать»
<i>огло сохихо</i>	«выбить»	<i>хэгзэ татаха</i>	«выдирать»
<i>огло татаха</i>	«вырвать»	<i>хэмгэ сохихо</i>	«отломить»
<i>ото харайха</i>	«перепрыгнуть»	<i>хэмгэ татаха</i>	«отломить»
<i>ото харбаха</i>	«прострелить»	<i>хяа сохихо</i>	«разбить»

Эти примеры хорошо демонстрируют как оттенки значений, которые придают частицы глаголам, так и семантику глаголов, которые употребляются с этими частицами. Подавляющее большинство глаголов заключает в себе значение разрушения, разделения целого на части или отделения части от целого. Что же касается значения усиления, то наличие его в данных примерах весьма проблематично, хотя в некоторых случаях оно оказывается включенным в семантику словосочетания. Так, в примере *холбо түлхихэ* «столкнуть» можно предположить усиление действия по сравнению со значением этого же глагола *түлхихэ* «толкать, пихать» без частицы *холбо*. Тем не менее цель присоединения подобных частиц состоит не в усилении действия, выраженного глаголом, а в придании ему дополнительных оттенков другого рода.

Поэтому для этих и им подобных частиц, выделенных в первую подгруппу, термин «преверб» подходит больше всего.

Во вторую подгруппу войдут частицы, которые отличаются от превербов первой подгруппы только тем, что в некоторых сочетаниях с глаголом значение усиления действия у них проявляется более отчетливо, настолько отчетливо, что это значение должно быть зафиксировано при переводе специальной словоформой. На русском языке значение усиления чаще всего (но не всегда, как покажут примеры) фиксируется наречием. И это единственное основание для сближения подобных форм в монгольских языках с наречиями. Примеры такого типа превербов следующие: *сүмэ сохихо* «пробить» и *сүмэ тодорбо* «[все стало] совершенно ясно»; *хагза һурэхэ* «разбиться, расколоться» и *хагза гэшхэхэ* «раздавить, растоптать, сильно размять». Наречный оттенок носят и следующие частицы в сочетании с глаголами: *ама һурэжэ унаха* «совсем отвалиться», *таһа бариха* «крепко держать», *хам тэбэрхэхэ* «крепко обхватить», *шолбо сохихо* «сильно избить». Усилительное значение, заключенное в некоторых из этих частиц, не обязательно передается на русский язык наречиями-усилителями. Способы могут быть разными, но значение усиления остается тем же. Например, *доло эдихэ* «все съесть», *үбһэ нюла сабшаха* «траву дочиста (совсем) скосить», *һамна татаха* «сносить до основания» («совсем сносить, разрушать»). Для отнесения этих частиц к наречным формам уже есть некоторое основание, но вместе с тем эти формы не теряют и свойств превербов.

Третья подгруппа принципиально не отличается от первых двух в семантическом отношении. Значения, передаваемые формами, в нее входящими, аналогичны значениям рассмотренных частиц. По принятому определению формы, входящие в третью подгруппу, можно считать наречными словами, поскольку от них возможно образование глаголов, иногда имен и, даже, собственно наречий с суф. *-аар*. Например, *низа жажалха* «разжевать», *низа сохихо* «разбить в пух и прах», *низалха* «раздавить, размельчить, растолочь»; *нуга татаха* «согнуть», *нугалуур* «сгиб», *нугалха* «сгибать»; *нэбтэ гараха* «пройти насквозь», *нэбтэ сохихо* «пробить», *нэбтэ хараха* «видеть насквозь» (ясно), *нэбтэ харбаха* «прострелить», *нэбтэлхэ* 1) «пронизать», 2) «промочить», 3) «проходить насквозь»; *хаха дэбхэгэ* «растоптать», *хаха нэрхэгэ* «раскалывать», *хагад* «половина», *хагарал* «политический раскол», *хахадаар* «пополам»; *хэтэ алхаха* «перешагивать», *хэтэ гараха* «пройти», *хэтэрхэ* «прорываться». Семантическая связь глаголов и существительных с частицами, от которых они образованы, несомненна. Поэтом можно считать, что перечисленные выше наречные слова в какой-то степени обладают самостоятельным значением.

Во всех монгольских языках широко распространено образование от подобных частиц и слов переходных глаголов с помощью суф. *-ра*. В калмыцком языке это явление было описано Вл. Котвичем [4, с. 96—97]. В бурятском языке К. М. Черемисов считает формы с суф. *-ра* и без них полностью синонимичными, давая в словаре отсылочную помету, например, *хэтэрэ* см. *хэтэ*; *шобторо* см. *шобто* и т. п. [9].

Среди всех превербов, которым приписывается значение усиления, существует преверб *халта*, несущий в себе ярко выраженное (в отличие от неярко выраженного значения усиления) значение ослабления действия «чуть-чуть, едва, слегка» (ср. западнобурятское *халтагай* «половина»): *Ажалайнгаа һүүлээр халта эсээб* «После работы слегка устал», *Үсээлдэр халта хулта бороо ороо* «Вчера чуть-чуть шел дождь», *Халтад гээ һаа агы нураха* «Еще чуть-чуть и пещера обвалится». Впрочем, значение ослабления можно считать усилением с обратным знаком, либо с обратной направленностью. Интересно лишь то, что эта обратная направленность существенно отчетливее прямой.

К четвертой, весьма немногочисленной подгруппе, можно отнести превербы, обладающие способностью сочетаться не только с глаголами, но и с именными частями речи. Примерами такого рода могут служить следующие частицы: *саб тэбэрихэ* «вдруг схватить руками», *саб байса хэлэхэ* «говорить уверенно и решительно» и *саб сагаан* «белый-пребелый» (очень белый); *сэл хүрэйшөө* «совсем замерз» и *сэл ногоон* «темно-зеленый», *сэл хүхэ* «ярко-синий»; *үй бута сохихо* «разгромить, разбить» и *үй түмэн* «очень много, весьма» (*түмэн* «десять тысяч; тьма; множество»), *үй тооһон* «очень мелкие пылинки»; *юлэ бууха* «разваливаться» и *юлэ хүрэйшэн* (причастие) «пробитый, дырявый».

В эту же подгруппу можно включить частицы, способные образовывать значащие наречные слова в сочетании с такими же частицами: *үй бута*, *бала биса*, *үлти биса*, *үлти зада*, *бута хамха* — все эти сочетания обладают значением «вдребезги», и этим их список, по всей видимости, и ограничивается.

3) Усилители к именам. В количественном отношении эта группа существенно обширнее, чем две предыдущие. В ней насчитывается в два раза больше словоформ, чем в группе наречных слов-усилителей, и в полтора раза больше, чем превербов.

Усилители этой группы представляют собой частицы, повторяющие первые один — четыре звука определяемого ими имени. Самостоятельного значения эти частицы, как правило, не имеют, а значит и связаны с определяемыми ими словами еще теснее, чем превербы, фонетически не зависящие от сочетающихся с ними слов.

Наибольшее количество подобных усилителей употребляется с именами прилагательными, образованными при помощи продуктивного суффикса имен прилагательных *-гар* (*-гор*, *-гэр*). Прилагательные с этим суффиксом в основной своей массе употребляются для описания внешнего

вида и частей тела человека, животных, деревьев и кустарников, цветовых характеристик и некоторых других качеств предметов [10]. Основная сфера употребления частиц-усилителей лежит именно в этих рамках.

Наиболее распространенные сочетания прилагательных с частицами-усилителями:

<i>ара арбагар</i>	«очень косматый»	<i>нэрэ нэбьхэгэр</i>	«очень толстый»
<i>бара бабагар</i>	«сильно лохматый»	<i>сара салигар</i>	«очень острый»
<i>бара билбагар</i>	«совсем обрюзгий»	<i>сари сахигар</i>	«ярко сверкающий»
<i>бэрэ бэлтэгэр</i>	«совсем выпученный»	<i>тара тархагар</i>	«очень низенький»
<i>годо годогор</i>	«сильно приподнятый»	<i>ура уршагар</i>	«очень морщинистый»
<i>горо гохигор</i>	«совсем изогнутый»	<i>хоро хорхогор</i>	«весьма неприветливый»
<i>дала далбагар</i>	«очень широкополый»	<i>хурэ хурхэгэр</i>	«сильно раздутый»
<i>ёро ёрбогор</i>	«сильно торчащий», «очень колкий»	<i>һара һарнагар</i>	«сильно раздувшийся»
<i>зара зантагар</i>	«слишком большоголо- вый»	<i>һэрэ һэртэгэр</i>	«сильно торчащий»
<i>заб зантагар</i>	«очень большоголовый»	<i>шала шалбагар</i>	«сильно загнутый»
<i>мара мархагар</i>	«очень большой»	<i>шара шантагар</i>	«очень курносый»
<i>моро монсогор</i>	«совсем круглый»	<i>шобо шобогор</i>	«очень острый»
<i>паб пантагар</i>	«совершенно лохматый»	<i>шодо шобогор</i>	«очень тонкий»
<i>пара падагар</i>	«совсем густой»	<i>шоро шодагор</i>	«очень тонкий»
<i>пара падагар</i>	«очень полный»	<i>яра ядагар</i>	«сильно загнутые и острые [роза]».

Судя по примерам, эта группа довольно однородна, и почти все частицы-усилители закреплены за определенными прилагательными, в зависимости от двух первых звуков. Далее второго звука уже могут обнаруживаться расхождения. Так, одно и то же прилагательное *зантагар* «большеголовый» может присоединять две частицы-усилителя *заб* и *зара*: *заб зантагар хун* «большеголовый человек» и *зара зантагар* «имеющий чрезмерно большую голову». И, наоборот, одна и та же частица *һара* может сочетаться с двумя прилагательными, различающимися уже по третьему начальному звуку: *һара һарнагар* «сильно раздувшийся» и *һара һалтагар* «чересчур коротконогий».

Употребление частиц-усилителей с иными прилагательными, образованными при помощи других суффиксов и с другой семантикой, явление относительно редкое. В основном это прилагательные, обозначающие цвета и, в единичных случаях, иные прилагательные, не объединяющиеся в какую-либо определенную семантическую группу. В качестве примеров можно привести следующие: *бод боро* «совершенно серый», *ноб ногоон* «ярко-зеленый», *уб улаан* «ярко-красный», *хоб хооһон* «совершенно пустой», *хуб хуурай* «совсем сухой», *хэб хэзээнэй* «совсем давно», *һоб һонор* «очень чуткий», *эб эли* «очень ясный», *зэб зэрлиг* «совершенно дикий», *мад малаан* «совсем лысый». Очень редко встречается употребление этих частиц с другими частями речи: *габ ганса* «совершенно один», *гэб гэнтэ* «совершенно неожиданно».

Весьма невелики связи этих частиц с другими формами — звукоподражательными частицами, образными словами и т. п. Если какую-либо связь между этими видами словоформ и можно найти, то чаще всего она носит случайный характер формальных совпадений, например, *аб-аб гэхэ* (звукоподражание тьякканью) и *аб адли* «совсем одинаковый» (*аб* — усилитель); *утаа бад-бад гүүлэхэ* «пускать дым клубами» (образное слово) и *бад балай* «темным-темно, совсем темно». Интересно, что в случаях совпадений звукоподражательных частиц с усилительными последние (в значении усилителей) приобретают более широкую сочетаемость с прилагательными и могут определять не только слова с совпадающими начальными звуками, но и другие: *бал сал гэхэ* «булькать» и *бал бамбаахай* «очень пушистый», а также и *бал хара* «иссиня черный»; *лүг-лүг* «тук-тук» (о биении сердца) и *лүг хара* «совершенно черный»; *тад гэсэ* «со стуком» и *тад буруу* «совершенно неправильно», *тад улаан* «совершенно красный», *тад һохор* «совершенно слепой». Отдаленная семантическая связь между двумя видами форм прослеживается только в единичных случаях: *шал-нял гэхэ* «шлепать по грязи» и *шал шабар* «совершенно грязный».

Очень редко вообще и существенно реже, чем слова-усилители и превербы, рассматриваемые частицы допускают образование от них других

частей речи. Пример такого рода: *тэб* — звукоподражание стуку, шуму; *тэб тэгийэ* «совершенно ровный» (от *тэгийэ* «ровный») и производные от усилительной частицы *тэб* — *тэбхысэ* «ровно, аккуратно», *тэбхытэр* «ровно», *тэбхыэ* «быть ровным», *тэбхэ* «подпорка, подставка».

Таким образом, из изложенного выше материала можно сделать вывод о том, что усилители к именам, в отличие от двух других видов усилителей, являются более однородными по своим свойствам и не дают достаточных оснований для выделения из их состава каких-либо строго очерченных и достаточно крупных подгрупп. Связи этих усилителей с другими формами значительно слабее, реже и, возможно, носят чисто случайный характер.

Перейдем теперь к рассмотрению сложных наречных слов и частиц. Эти формы также делятся на три группы, которые можно обозначить как удвоенные наречные сочетания, парные наречные сочетания, наречные сочетания. В отличие от простых наречных слов и частиц среди сложных слов имеются не только усилители и, даже, не столько усилители, сколько наречия образа действия. Отличие их от собственно наречий состоит в том, что вне сочетаний они не употребляются и самостоятельного лексического значения, как правило, не имеют.

Как и во всех остальных случаях с наречными словами и частицами, между подгруппами и между другими грамматическими категориями слов (образными словами, звукоподражаниями и собственно наречиями) часто трудно провести отчетливую границу. Поэтому всякое деление на группы и подгруппы оказывается в какой-то степени условным.

1. Удвоенные наречные сочетания. Эта группа представляет собой наречные формы, образованные путем простого повтора первоначального наречного слова, например, *аабаг-аабаг* «неуверенно», «еле-еле»; *мэнэ-мэнэ* «вот-вот, вот сейчас», *мэнэ-мэнэ ерэхэ* «вот-вот придет»; *мэхэр-мэхэр энэхэ* «беззвучно смеяться»; *ноби-ноби* «еле-еле, кое-как».

Некоторые удвоенные наречные сочетания близки звукоподражательным и образным словам: *наар-наар дуугарха* «громко говорить», *наар-наар энэхэ* «раскатило смеяться», *гэнгир-гэнгир хусаха* «зря лаять, брехать»; *ян-ян гэхэ*, *ян-ян дуугарха* «ворчать».

От некоторых основ могут быть образованы глаголы и прилагательные: *нобиихо* «быть слабеньким, еле держаться на ногах»; *аабагар* «лишенный твердости, неуклюжий»; *аабаганаха* «производить неуверенные движения».

Иногда параллельно с удвоенными сочетаниями от тех же основ образуются парные сочетания, в которых один из компонентов представляет собой фонетический вариант той же основы. При этом значение всего сочетания в целом не меняется. Варьироваться может как первый компонент сочетания, так и второй: *аабаг-аабаг* «неуверенно, еле-еле» и *ээбэг-аабаг* «едва-едва, с трудом»; *аамаг-аамаг жажалха* «жевать, усиленно открывая и закрывая рот» и *аамаг-оомог* с тем же значением. Глаголы в подобных случаях могут образовываться от обоих компонентов: *аамаганаха* «усиленно открывать и закрывать рот», *оомогонох* «жевать беззубым ртом». Как видим, в производных формах эти компоненты могут приобретать самостоятельное и, к тому же, отличное от первоначального значение. Иными словами, сами компоненты уже оказываются способными семантически дифференцироваться, демонстрируя тем самым один из возможных путей словообразования вообще.

Группа удвоенных наречных сочетаний весьма немногочисленна по сравнению с двумя следующими группами.

2. Парные наречные сочетания. Парные наречные сочетания представляют собой одну из разновидностей парных слов, имеющих широкое распространение в монгольских языках. Образуются эти сочетания путем всевозможных фонетических вариаций основы: чередований гласных, чередований согласных, наращением согласного во втором компоненте, повторением первых и последних слогов и т. п. способами.

Некоторые из этих парных наречных сочетаний могут быть соотнесены с образными словами: *халжар-хулжар ябаха* «идти вразвалку» (размахивая руками), *обхор-собхор* «вприпрыжку» (о беге волка). В некоторых

случаях парное сочетание может функционировать в двух качествах — как существительное и как наречие: *эбэл-эбэл* «то и сё; там и сям». Изредка прослеживается связь парных сочетаний с усилительными частицами: *ама* «совсем, совершенно» и *ама-яма* «в большом количестве».

Основную же массу парных наречных сочетаний представляют формы следующего типа:

<i>ааг-зааг</i>	«перешительно»	<i>буур-туур</i>	«смутно, неясно, еле-еле»
<i>абар-табар</i>	«кое-где, редко»	<i>тал-мал</i>	«неясно, непонятно»
<i>абир-шэбэр</i>	«шепотом»	<i>унды-сунды</i>	«разбросанно, вперемежку»
<i>хабир-шэбэр</i>	«шепотом»	<i>хулиб-халиб</i>	«небрежно, кое-как»
<i>абта-ябта</i>	«с шумом»	<i>хали-боли</i>	«небрежно, кое-как»
<i>ана-мана</i>	«почти одинаково»	<i>эг-тэг</i>	«перешительно»

Как показывают приведенные примеры, большинство парных наречных сочетаний по своей семантике близко к значениям, передаваемым наречиями образа действия.

3. Наречные сочетания. Под этим названием подразумеваются сочетания наречных слов или частиц с глагольными или иными формами, либо заключающими в себе характеристику действия, либо передающие значения усиления или ослабления действия, либо являющиеся определениями к прилагательным. Фонетические связи между компонентами сочетаний, в отличие от предыдущей группы, в этом случае отсутствуют. Во всем остальном эта группа форм ничем не отличается от двух предыдущих групп, и потому можно ограничиться лишь перечислением некоторых сочетаний в качестве примеров:

<i>байд гээд</i>	«немного погоды»	<i>намтаг гэхэ</i>	«немного опускаться»
<i>бард байса</i>	«громко, резко»	<i>ори ганса</i>	«совсем один»
<i>бард байтар</i>	«громко, резко»	<i>оро бодогуй</i>	«безудержно»
<i>бурд байса</i>	«мигом, моментально»	<i>улгэ халга гэхэ</i>	«еле-еле двигаться»
<i>нэгэ муһэн</i>	«разом, сразу»	<i>шараа нюсэгэн</i>	«совсем голый».

Приведенные примеры демонстрируют связь этих наречных сочетаний с образными словами, усилительными частицами, а также возможность сочетания наречных слов с глагольными формами, именными (прилагательными, числительными) и с наречиями.

Наречия и наречные слова. Сопоставление и генезис.

Два вида наречных слов, выделенных нами, казалось бы, по чисто внешнему, формальному признаку (простые и сложные), тем не менее продемонстрировали как относительную цельность внутри каждого из видов, так и существенные различия.

Основное различие лежит в плане семантики. Первый вид представляет собой усилители действия или качества, второй вид характеризует действие или качество. Первый вид более многообразен и подвижен. Он допускает деление не только на группы, но и на подгруппы с различающимися свойствами. Второй вид более однороден, не допускает деления на подгруппы, а различия между группами носят незначительный характер. Общее между этими двумя видами в том, что и те и другие наречные формы в той или иной степени связаны с определяемыми ими словами и сфера их употребления ограничена. Общность между всеми видами наречных слов и частиц и собственно наречиями заключается в их роли определителей к глагольным и именным формам. Подробный анализ наречных слов может иметь значение для решения вопроса о происхождении наречий. С этой точки зрения особый интерес представляет связь многих наречных слов с образными и звукоподражательными словами.

Если принять за отправной пункт положение о развитии языка от простого к сложному, то именно образные слова и звукоподражания следует рассматривать как наиболее примитивные, а следовательно, и первичные слова. Причем самым первым, низшим этапом будут звукоподражательные слова как отражающие чисто внешний, в данном случае, акустический образ отражаемого явления. Следующим этапом развития

будут образные слова, заключающие в себе уже не просто образ (хотя, очевидно, какая-то связь между звуковым оформлением слова и сутью обозначаемого им явления все-таки имела место), но наименование действия и его характеристику одновременно.

Вместе с тем, как пишет Л. Д. Шагдаров, «обобщающая сила образных слов чрезвычайно мала, т. е. они отличаются большей конкретностью своего значения». Далее автор поясняет это положение следующим образом: «...для них (образных слов. — Ч. С.) нет, например, общего понятия „ходить“, „шагать“, а есть только внешние проявления его: *муяг-муяг гэхилхэлэ* „(ходить) с согнутыми в коленях ногами“; *мушхас-мушхас гэхилхэлэ* „(шагать), плавно изгибая корпус...“» [11].

Как видно из этих и многих, приводившихся выше примеров, характеристика действия, т. е. то, что впоследствии выделилось в отдельные словоформы (наречия), первоначально было заключено в одном слове. Эта особенность наиболее архаичных из известных нам форм давала возможность некоторым исследователям делать обобщения следующего характера: «...первоначально действия и состояния, выражаемые в глаголе, не мыслились отвлеченно, но всегда включали в себя определенную характеристику, выступая с этой характеристикой как одно понятие». И далее: «то, что мы теперь называем характеристикой глагола, что теперь у нас выражено наречием, входило в качестве неразрывной составной части в семантику действия или состояния» [12].

Подобный путь формирования наречий, безусловно, представляется возможным, хотя и не единственным. Возражение вызывает лишь абсолютизация этого способа образования наречий. Во-первых, в любом современном языке продолжает существовать большое количество глаголов, сохранивших в себе характеристику действия в невычлененном виде, например, *мчатся* означает «быстро передвигаться». Во-вторых, особенность наречных слов, связанных с образными словами, не в том, что они заключают в себе характеристику действия, а в том, что само действие мыслится образно, а не понятийно. И, наконец, в-третьих, какими бы древними ни представлялись нам эти реликтовые формы образных слов, но за ними также стоит долгий путь развития с еще более древних времен и сами они являются результатом развития каких-то неизвестных нам фактов и явлений. Именно это обстоятельство позволило Ц. Б. Цыдендамбаеву выделить в образительных словах, обозначающих движение, четырнадцать слогов-суффиксов, обладающих относительно самостоятельным значением, и прийти к заключению «о производности современных первичных основ, хотя теперь невозможно выделить корень — первый слог этих основ» [13].

Было бы неверно связывать образование всех наречий только от рассмотренных здесь наречных слов и частиц еще и потому, что последние разнородны по своим свойствам и образование их, по всей видимости, происходило не одновременно. Так, почти наверняка, частицы-усилители к именам образовались значительно позже глагольных усилителей (превербов), поскольку первые служат определителями в основном к производным прилагательным, т. е. уже прошедшим достаточно долгий путь развития, и связи этих частиц с другими формами, в том числе с более древними (звукоподражаниями), гораздо слабее. Отличие усилителей к именам от превербов заключено еще и в том, что сами они не образуют никаких самостоятельных форм, в то время как от превербов допускается образование глагольных форм.

Что же касается происхождения наречий от наречных форм, то наиболее вероятным представляется образование производных наречий от слов-усилителей наречного типа, обладающих большей способностью к сочетаемости с различными формами и потому большей самостоятельностью.

Подводя итоги рассмотрению наречных слов и частиц, можно представить следующий путь перехода некоторых наречных слов в собственно наречия.

Первый этап — существование слов (звукоподражательных или об-

разных большей частью), несущих в себе и номинативное, и вербальное, и атрибутивное значения.

Второй этап — выделение слов и частиц, заключающих в себе характеристику действия или предмета. Причем эти выделившиеся формы жестко закреплены за словоформой или за группой форм в зависимости от фонетических условий и с другими формами не сочетаются.

Третий этап — расширение сферы употребления этих слов и частиц, приводящее к большей «самостоятельности» отдельных форм и к способности становиться основой для образования других грамматических рядов слов (глаголов, прилагательных и др.). Этот процесс сопровождается появлением у данной словоформы самостоятельного лексического значения прежде отсутствовавшего либо нечетко выраженного.

Четвертый этап — полный отрыв от каких-либо ограниченных групп определяемых ими слов, развитие полноценного лексического значения с достаточным уровнем абстракции, т. е. на данном этапе осуществляется полный переход к собственно наречиям.

Этот путь возможен в первую очередь для наречий-усилителей, хотя и не только для них. Другие виды наречий могли формироваться иным образом. Так, например, формирование конверсивных наречий, очевидно, шло другим путем: в одних случаях прилагательные, определяющие существительные, получали возможность характеризовать глаголы. Вероятен также и переход существительных в наречия. Формирование конверсивных наречий, по всей видимости, шло если не позже становления непроизводных наречий, то, во всяком случае, параллельно образованию непроизводных и совершенно независимо от них.

Более поздним образованием явились производные наречия, представляющие собой обособившиеся падежные либо другие формы, о чем уже было сказано достаточно много. Однако и при образовании более поздних, производных наречий иногда использовались способы, выработанные языком в процессе формирования самых древних наречных форм, например, способ удвоения основы, чередования гласных или согласных и т. п.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что наречные слова и частицы представляют собой самостоятельную служебную часть речи, выполняющую роль префиксов и различных частиц, а по своим функциям приближающуюся к наречиям. Их развитие шло от звукоподражательных и образных слов к собственно наречиям путем расширения сферы употребления отдельных форм и возникновения в процессе речевой практики «самостоятельной» семантики. Таким образом, роль наречных слов и частиц в качестве фундамента для развития некоторых групп наречий не вызывает сомнений.¹

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тодлева Б. Х.* Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, с. 155—156.
2. Грамматика бурятского языка. М., 1962.
3. *Санжеев Г. Д.* Грамматика калмыцкого языка. М.—Л., 1940, с. 61.
4. *Котвич Вл.* Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Петроград, 1915.
5. *Монраев М. У.* Наречие в современном калмыцком языке: — Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1974, с. 14.
6. *Алексеев Д. А.* Наречие в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, 1941, с. 77, 78.
7. *Бертгаев Т. А.* Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с. 24—25.
8. *Vese L.* A study in Buriat preverbs. — Acta Orient. Hung., 1966, t. XIX, f. 2.
9. *Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. М., 1973.
10. *Дондуков У.-Ж. Ш.* Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964, с. 72—74.
11. *Шагдаров Л. Д.* Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 1962, с. 124—125.
12. *Рифтин А. П.* Об образовании наречий. — Уч. зап. ЛГУ, 1946, вып. 6, с. 52.
13. *Цыдендамбаев Ц. Б.* Изобразительные слова в бурятском языке. — В кн.: Филология и история монгольских народов. М., 1958, с. 137